

Жиль Дове, Карл Несич, Жан-Пьер Карассо

Серый сентябрь

22 октября 2001 г.

Оглавление

«Как всегда все изменилось навеки» (La presse)	3
Террор как реальность и представление	4
«Нам скучно в городах» (Ситуационистский Интернационал)	7
Мировой беспорядок?	8
Местная победа, глобальная неуравновешенность	14
Значит, третья мировая? Не сегодня — послезавтра	16

«Как всегда все изменилось навеки» (La presse)

За три дня читатель Guardian узнал всё о внутренней структуре двух небоскрёбов. Две недели спустя, его нельзя было переспорить о точном местоположении Герата и Кандагара. Утром он узнал о новом массовом убийце по имени бин Ладен, затем он узнал, что этот зловещий персонаж был детищем западной политики. Сегодняшняя абсолютная истина становится относительной завтра и за каждой ложью следует её опровержение. «Факты» существуют только в вечном, а значит и бессмысленном настоящем. Ни одно общество не переживало подобную последовательность частичной самокритики.

Те, кто просто порицает насилие и его избыток всегда будут на один шаг отставать от радио и телевидения. Только очень наивный гражданин верит официальным версиям (39 лет после того как президент США был убит в Далласе, знаем ли мы правду? Поскольку большинство государств участвовало в подъёме исламизма мы не можем всерьёз воспринимать то, что нам говорят о его «сетях», т.к. 99% информации исходит из полицейских источников). И всё же, было бы ещё более наивно принимать полностью противоположные официальной версии взгляды.

До цивилизации с огромным трудом доходит, что она может погибнуть. Ещё больше ей требуется для того, чтобы она признала, что может причинять смерть.

Недооплачиваемая уборщица и сверхплачливый офисный работник, которые оба погибли во Всемирном Торговом Центре, погибли в качестве пешек системы, эксплуатирующей их смерть (превращающей их в героев свободной торговли и свободного мира) так же как она эксплуатировала их жизнь. У них было мало времени для того чтобы оценить хвастливую безопасность, купленную ими в обмен на их подчинение.

После 11 сентября, житель Нью-Йорка сказал, что теперь осознаёт опасность жизни в центре мировой экономики. Он приравнял жизнь к избеганию опасности и исполнению своей работы не беспокоясь о её причинах и результатах, о том, что значит мировая экономика и её результаты, или о риске, которому подвергаются миллиарды, живущие на периферии.

Люди пришли в ужас из-за самоубийственного аспекта атак, степенью разрушительного нигилизма. Но разве массовое уничтожение не является текущей чертой цивилизации которую капитализм отнюдь не смягчает? Последние два столетия больше подтвердили «марксистский катастрофизм», чем оптимистичный либерализм реформизма.

Комментаторы также забывают, что большинство религий предпочитают иной (предположительно лучший) мир нашему. Но наше время гордится своей толерантностью и больше не отрицает религию. Для того, чтобы создать скандал, вам нужно лишь открыто выразить свою антипатию к Иисусу, Будде или Мухаммеду. Атеизм принимается только как одна из вер. XXI век скатывается

ко временам предшествовавшим буржуазной революции.

Тотальная власть человека доказывается его вертикальной (благодаря небоскрёбам) и горизонтальной (мегаполис) экспансии. Мы высасываем всю энергию и ресурсы Земли и пользуемся ими в наиболее сконцентрированных и ускоренных формах.

Однако, иногда, большая утечка энергии, ядерная угроза или голод, катастрофа нефтяного танкера, взрыв химического завода, ураган, или крупное военное нападение, выявляют шаткое положение мира, основанного на обращении товаров, вынужденного реализовывать и накапливать стоимость, укрепляя её всё больше: он набирает вес для того, чтобы стать легче, накапливает материалы для того, чтобы стать нематериальным, использует сталь и стекло для того, чтобы превратиться в 0 и 1, и всегда порождает капитал для того чтобы увеличить его потоки. Виртуальность фактически строит оборудование, склады и средства транспортировки. У любой большой фирмы есть её большие здания. Любой коридор может быть заблокирован: чем более гибкой становится система, тем более она становится уязвимой для компьютерного вируса, а вода, воздух и пища — для отравления.

Катастрофа ВТЦ заставила людей вновь задуматься о массовой насильственной смерти, которую несёт в себе средства, которые должны защищать и развивать жизнь: реактивный самолёт¹ и небоскрёб. Нужно ли нам было 11 сентября для того, чтобы видеть в любом техническом предмете потенциальный инструмент убийства? По железным дорогам людей увозили в концлагеря. Шины от Катерпиллар служат армейским броневикам также как и тракторам. Самолёт отвозит парочку на медовый месяц, либо летит над Хиросимой 6 августа, 1945 г. Тянуть так долго перед тем как понять это было неприлично: и даже хуже, это было очень глупо.

Террор как реальность и представление

Оставим в стороне подполье и т.н. анархистские теракты, не имеющие ничего общего с темой. Между действиями Action Directe, застрелившими директора «Рено» и убийством тысяч человек в двух огромных небоскрёбах пролегал целая бездна разницы, хотя эти башни и стояли в сердце международного финансового мира. Оставим также в стороне такие моменты как якобинский Террор 1792-94 гг., который давно уже считается законным во французских школьных учебниках.

Навязчивое повторение слов «террор» и «терроризм» превращает любого в невинную жертву и освобождает его от ответственности. Говорят, что погибшие в ВТЦ люди не имели отношения к управлению миром: нам говорят, что капитализм действует сам по себе, вне зависимости от рабочего, производяще-

¹ D.Watson, Civilization is Like a Jetliner, 1983, in Against the Megamachine, Autonomedia.

го пули, от бухгалтера, от продавца. В ВТЦ погибло совсем немного экспертов по финансам. Глупо было бы думать, что их убийство уничтожит капитализм; одинаково абсурдным было бы заявлять, что они невиновны в судьбе этой планеты и удивляться ненависти, направленной на Манхэттен. Читатель «Нью Йорк Таймс» живёт во сне, и он приходит в ужас, когда его сон становится кошмаром, но единственным выходом из кошмара является пробуждение. Мы творим этот мир, а значит мы можем уничтожить его и воссоздать опять. Напротив, если мы считаем себя жертвами — это лишь прибавляет веса нашей нищете.

Похоже на то, что западные правители и их подданные договорились интерпретировать ситуацию в терминах «терроризма», т.е. не разбираться с ситуацией. Капитал и труд оба игнорируют проблему (и её разрешение) вне объединяющего их в их противостоянии аспекта.

Для наёмного работника, безличный террорист олицетворяет угнетение одинокого служащего, едущего рано утром на манхэттенской барже или в римском метро на работу. Наёмный труд становится внеличным отношением. Лишь немногие из нас знают нашего босса, не говоря уж о «владельце» компании. Буржуа в цилиндре и с сигарой уступили место менеджерам, затем мультинациональным компаниям, а теперь финансовым рынкам: каждый раз субстанции остаётся всё меньше. Правители мира становятся всё более расплывчатыми, зато персонифицируется рынок. Деньги остаются возможно наиболее ощутимой реальностью, но они непосредственны, текучи и не дают ключа к пониманию мира.

Каждый день мы воспроизводим целое, лишаящее нас понимания его цельности. Мы все осознаём, что господствующее над нами «целое» существует только потому, что мы воспроизводим его, но все также думают, что оно находится вне нашей достижимости, потому что наше *мы* расслаивается как раз в тот момент, когда мы воспроизводим это целое. Остаётся лишь неразличимое множество *эго*, самоутверждающихся через потребление, и причём в лучшем случае им удаётся повелевать своим индивидуальным телом и своей частной жизнью, с тем, чтобы не превратиться в *нас*, способных изменить курс истории.

Утрата целостности, как писал Лукач в 1923-м. Одинокая толпа, как это определяла социология в 1960-х. Импульс от сентябрьской атаки ухудшает наше коллективное несуществование, поскольку обращает нас в ничто, служит грустным напоминанием о нашей бесплотности. Но не он создаёт эту ситуацию, он лишь играет на ней. В сфере товара и зарплаты, страх является социальным отношением. Это заявление покажется чрезмерным только тем, кто не видит связи между миром, описанным в «Процессе» Кафки, нашей повседневной жизнью и концлагерями.

Современный наёмный работник может быть классово сознательным и воспринимать общество как состоящее из «рабочих против боссов», но он

сомневается, что может изменить то, что создаёт эту дуальность и противоречия. Он отказался от всех иллюзий кроме одной: он верит, что им всегда будут управлять неуправляемые им силы.

Фигура террориста наделяет лицом это недостижимую неизвестность и в свою очередь призывает её противоположность: щит, который будет защищать нас от дикого террора. У щита есть имя: государство. Простому человеку может очень сильно не нравиться Буш, но всё же Буш для него лучше, чем бин Ладен.

Низкая интенсивность классовой борьбы порождает пассивность и помогает переваривать быстро устаревающий эмоциональный шок. Не удивительно, что внушительная часть т.н. цивилизованного мира так быстро объединилась на руинах одного из своих символов.

В 1970-м, когда в Индокитае убивали зелёных беретов, их битвы и смерть вели к критике американских политики и образа жизни. В наши дни, американским трупам удаётся заработать поддержку для США, хотя и кратковременную. Социальная критика давно претерпевает спад, будучи репрессированной, затопляемой собственными противоречиями, интегрируемой. В 2001-м, США здесь, в Западной Европе и Японии, так же как в Сан Пауло и Сеуле.

Американизация принесла американизм вместе с перекрещивающимися виадуклами и оптоволоконным кабелем. Враждебность к дяде Сэму повсеместна, но часто упрекает его за то, что он не соблюдает собственные ценности, не оставляя места для народной демократии, не расширяя потребительское общество, не поддерживая отдельную идентичность, не освобождая человечество через технологию.

Что же касается капиталистов, которые не могут понять насколько далеко они заходят в реструктуризации, которая началась в конце 1970-х, то они действуют так, будто главное ограничение (или даже угроза) для их исторической модели вышла из прошлого. Терроризм — это название для того, что нельзя понять.

Террорист — это идеальный враг государства: он оправдывает всё, аресты, обыски, цензуру, даже десантников с боевыми винтовками, расхаживающих по парижскому метро. Против убийц, исключённых из человечества, всё законно.

Мир любит катастрофы.² Благодаря им, центральная власть может притворяться незаменимой (а она в какой-то мере таковой и является). Но можно также говорить, что причиной катастроф были экстремисты и фанатики, иными словами, тем, что есть «плохого» в человеческой природе.

Корни риторики «Добро или Зло» находятся здесь. Просвещённый европеец любит насмехаться над грубой американской правотой, но европейская политика всё больше и больше вершится во имя Добра. Поскольку демократия и рынок (причём первая смягчает второй) являются якобы наименее неприятными из миров, выборы и решения должны делаться в их рамках. Весь

² См. *Murdering the Dead. Amadeo Bordiga on Capitalism & Other Disasters*, Antagonism Press, 2001.

политический спектр разделяет общую веру в социальную и техническую систему, которая постоянно находится под огнём критики, но в то же время считается единственной возможной. Наёмный труд вовсе не так уж приятен, но всё остальное считается намного хуже. Поэтому, если и случается неприятность, то потому что в человеке остаётся нечто плохое, даже извращённое. Либерал определяет свою тёмную сторону как лень и нарушение прав; левак объясняет её как нетерпимость и жадность. Но оба интерпретируют это плохое как результат избытка. Г-жа Тэтчер стала (печально) известной за свою попытку читать мораль бедным. Сейчас становятся известными реформисты за свою борьбу за умеренный, самоограничивающийся капитализм. Теория о «конflikте цивилизаций» Хантингтона реакционна, но не менее существенна, чем чтение морали о замене неограниченных необузданных рынков рынками демократически контролируемыми.

«Нам скучно в городах» (Ситуационистский Интернационал)

После 11 сентября, 2001 г., те же люди, которые порицали небоскрёбы как доказательство ненормального городского планирования, теперь записали Всемирный Торговый Центр в часть человеческого наследия. Неужели они забыли как выходили на демонстрации против Организации той же Торговли?

Мы не будем оплакивать Две Башни. Меньшее, что мы можем сделать — это рассматривать эти соборы из стали и стекла так же как Сан Миньято или Ангкор, одинаково выражающие и человеческое отчуждение, и деятельность. Если готический неф расстраивает революционера XXI века меньше, чем антиклерикального активиста века XVIII-го, то это потому что социальная функция церквей пришла в сильный упадок в Западной Европе (но не в Греции или России, например). То, что происходит внутри зданий на Уолл-стрит, напротив, оставляет сильный отпечаток на наших жизнях. Возведение этих небоскрёбов было более, чем просто удобством из-за стоимости квадратного метра в центре города. Офисные высотные здания являются символами современной власти, а неуклюжая застройка пригородов выказывает внешний вертикализм.

Тем не менее, большинство критиков мегаполиса едва может сдержать эмоции при виде Нью Йоркского неба. Мы не наблюдаем за сумерками отражаемыми в стене зеркал, как мы наблюдаем за парадом в Диснейленде. Конфликт между естественным и искусственным имеет значение для человека и потому достаточно «неестественен». Мы можем сделать выбор думать и действовать так, как если бы этот мир во всей его целостности и каждую секунду был негативен: но, если мы сделаем так, мы не поймём как функционирует мир. Ни одна социальная система не может удержаться без сколько-нибудь активного участия, без позитивного (т.е. человеческого) содержания, которое оно способно

предоставить. Кровавая критика Манхэттена в сентябре 2001-го не является нашей, конечно же. Убийцы избрали мишенью культурную смесь, мобильность и различия, так что это была атака со смутным отражением будущего в настоящем. И всё же павшие башни напоминают нам о том, что нужна иная критика. Сможем ли мы разрушить много небоскрёбов? Или мы оставим их ржаветь и гнить? Или использовать их по иному назначению? Что бы мы не сохранили, виной этому никогда не будет исключительный вкус к прошлому. У нас не больше уважения к прошлому самому по себе, чем к тотальности всех трудов и мнений.

«Архитектура завтрашнего дня будет средством познания и средством для действия» (Internationale Situationniste #1)³.

Городская жизнь является нашим врагом не больше, чем другие реальности из которых никто не может выбрать, что сохранить и от чего отказаться. Например, велосипед конечно приятнее автомобиля, но всё же оба они являются артефактами промышленной и потребительской эпохи. Кроме того, было бы несправедливым останавливать разрушение архитектуры. Большая часть всего, что происходило и было написано принадлежит к классовым обществам: поэтому иконоборцы должны были бы сжечь британскую библиотеку, разрушив Сфинкса.

Торговая цивилизация производит свою революционную и реакционную критику, перебрасывая между ними несколько мостов. Лишь крайняя слабость первой позволяет последней главенствовать на сцене и за кулисами.

Мировой беспорядок?

11 сентября 2001 г. — это не рассвет новой эры. Эта не та атака, которая может нарушить ход этого мира, но наоборот, мир с нарушенным ходом сделал эту атаку возможной.

Общее чувство беспомощности перед лицом этого события отражает трудность в определении «оппозиции» и поиске средств справиться с ней. Падение ВТЦ проливает свет на предсказание 80-х: новая система производства не преодолевает фордизм-тейлоризм, а «компьютерная революция» ещё не предложила хотя бы всего того, что давал конвейер.⁴

Нынешние противоречия (и их возможное разрешение) родились не в афганских горах. Их причина является внутренней и социальной прежде, чем «геополитической»: неспособность этого способа производства распространить повсюду положительную сторону своего обобщения.

³ В числе прочих, Potlatch, № 25, Октябрь 1955 г. Если такого города как старый Париж уже не существует, Нью Йорк тоже был социально очищен, не исламом, а муниципальными властями. См. Брюса Бендерсона.

⁴ Эта тема подробно рассмотрена в тексте Жилия Дове и Карла Несича «Куда идет мир?».

Мир один. Синайский бедуин, который живёт продажей безделушек и образа своего уклада жизни европейскому туристу путешествующему по пустыне, принадлежит к той же вселенной, что и «треккер» из телепередачи. Кроссовки «Найк» производятся в Азии как раз благодаря условиям существующим в Азии. В стране, которая некогда была Родезией, белые фермеры и управляющие шахт заставляли чёрных рабочих упыхиваться ради выгод колониальной торговли: страна, которая теперь называется Зимбабве утратила эту функцию (явно эксплуататорски-расистскую) и приближается к банкротству. Если бы Италия и Таиланд чудом поменялись ролями на всемирном рынке, то торговцы и компьютерные эксперты из Бангкока ездили бы в секс-туры в Рим. У справедливой торговли нет родины, кроме идеологии (нечистая совесть плюс косметическая правка), система, в которой кто-то богатеет держится на том, что кто-то беднеет.

После распада СССР, у капитала были большие трудности в повышении собственной стоимости и он не может реорганизовать экс-бюрократические страны в области прибыли.

Мир также страдает от недостатка коммунистического импульса и перспективы. Социальные волнения остаются в рамках неореформизма, как бы радикально не звучали его слова и позы, если не в рамках этноцентризма, религиозного фундаментализма, национализма, поиска идентичности, и т.д.

Вооружённые действия меньшинств не являются новшеством, но сентябрь 2001-го обладает отличным значением. Убийство 1914-го в Сараево, бомбы ИРА или захват палестинцами самолёта во имя государства и национальной экономики. Камикадзе ВТЦ хотели нанести удар власти США, но не бросили ей вызова в виде альтернативной модели развития, хотя бы исламской.

В прошлом, в странах, называвшихся «третьим миром», критика велась во имя прогресса, с решимостью нанести поражение экс-колониальным державам в их собственной игре. Нынешние бунты лишь выдвигают требование быть собой, без амбиций о модернизации. Национализм разлагается. Индонезия и Вьетнам обрели экономическую значимость: а Македония и Тимор нет. Регионы утверждают свою идентичность без какой-либо программы кроме возвращения к корням и приобретения международной гуманитарной помощи.

Всемирная система удаляется в свои исторические укрепления: в Северную Америку, Западную Европу, Японию. Она оставляет все остальные страны невозделанными и использует их как место из которого можно черпать ресурсы и стоимость когда это возможно и в которых нужно восстанавливать порядок (меньше, чем раньше), но только по необходимости. Но даже так, капитал выглядит хрупким. Отзыв инвестиций из «Новых Индустриализированных Стран» задержит их рост. В прежние дни, империализм противопоставлял повстанчеству хотя бы тень развития: План Константина в Алжире, помощь мелким крестьянским собственникам в Южном Вьетнаме, спонсирование «зе-

лёной революции» против красной и т.д. Сегодня такая схема отсутствует. Никто не притворяется, что результатом вторжения НАТО в Югославию станет экономический рост.

Можно забыть о новом плане Маршалла. В 1947-м, идея заключалась в развитии стран с потенциалом, а не Иордании или Эквадора. Более того, капитализм заключается не в заказе автомобиля по интернету, и даже не в производстве автомобиля, но в его производстве и последующей продаже с прибылью. Перекачивание долларов в неразвитые страны поддерживает клиентские режимы больших держав, но не восстанавливает прибыльность этих держав. Богатые страны выдают денежные пособия своим безработным: но они не поддерживают миллиарды в Азии и Африке.

Хотя капитал и правит Землёй уже несколько сотен лет, его основы (обмен труда на деньги, единство производства и потребления, создание внутреннего рынка) нельзя распространить повсюду. Но временами (в середине XIX века, в начале XX века, затем после 1945-го), его производственная основа расширяется и увеличивает обращение товаров (и труда как товара) за пределами границ их собственных стран. В другие периоды (в эпоху «Великой Депрессии» 1873-95 гг. и между двумя мировыми войнами), она сужается: именно через такой период мы проходим. Лихорадочный городской рост в третьем мире сигнализирует о разрушении общин прошлого без возможностей загнать (как при «государственном капитализме») или интегрировать (как при «рыночном капитализме») эти массы лишившиеся корней в наёмный труд. Пролетаризация остаётся в основном негативной.

Капитал овеществляет планету нерационально (даже с капиталистической точки зрения) и подвергается риску потому что разделяет человечество на двое.

С одной стороны те, кто может продать свою рабочую силу, хотя их социальные и человеческие условия ухудшаются, а их труд теряет всякое содержание.

С другой стороны, подавляющее большинство человеческих существ, которых капитал не может превратить в наёмных работников. Это большинство осознаёт это, в отличие от времён после падения колониальной системы, развитие теперь недоступно, а с этим осознанием приходит отчаяние и ненависть. В прошлом многие члены обедневших средних классов делали карьеру в качестве организаторов крестьянских масс в бюрократической партии или режиме: провал государственного капитализма лишает их этой возможности. Как часто случается, люди, которых считают виновными в атаках 11 сентября принадлежат средним классам. Важно существование не нескольких дюжин тысяч «фанатиков», но сотен миллионов безрезервных.

Отношения между капиталом и трудом правят миром, не потому что всё должно определяться тенденцией к накоплению стоимости, но потому что эта тенденция сотрясает, тянет вниз или перестраивает одно целое предыдущих отношений. Там, где они преобладают, социальные перемены (передовые

или отсталые) происходят из-за её давления и против неё. Бунты разжигает порыв дестабилизированных масс (которые едва могут вернуться к рыночной экономике в старом стиле). Раньше они переходили в национально-освободительные движения (что бы ни значила «нация» в Конго или Судане), когда экономический взлёт независимого государства считался возможным. Теперь бунты рассыпаются на многочисленные требования, в региональных, этнических или религиозных рамках.

Без антисемитизма и концлагерей не было бы Израиля. Но сионизму удалось это потому что он смог превратить миллионы иммигрантов в наёмных трудящихся компаний продающих еду, бриллианты, оружие или высокие технологии на всемирном рынке. Сможет ли будущий палестинский гражданин получить схожую работу? Сможет ли он получить работу вообще?

Что верно вне капиталистической родины, доказуемо и внутри его. Большие массы оказываются оттиснутыми на периферию существования, посаженными на потребление и под колпаком у государства. Несмотря на разницу в масштабе, есть нечто общее между нью-йоркской бойней и ночью в Безире, Франция, за десять дней до неё, когда молодой человек арабского происхождения специально провоцировал полицию гранатомётом, пока его не застрелили.

Что бы ни говорил нам журналисты и политики, немногие из обитателей Земли были сильно опечалены уничтожением ВТЦ. Глубоко ли скорбили о Двух Башнях в Белграде или пригородах Джакарты?.. Рано или поздно отчаяние и ненависть превращаются в бунты, часто наихудшего типа, заканчивающиеся ещё хуже. Превалирующая критика этого мира негативна и часто оглядывается на мифический докапиталистический Золотой Век.

Чересчур развитый мир платит за мираж своего технологического (и якобы также интеллектуального) превосходства. В течение двадцати лет мы слышим, что «стоимость» выходит из пластмассовой мышки. Запад так любит современность (несмотря на армии экспертов), что никогда и не думал, что «недоразвитый народ» мог бросить ему вызов с такой эффективностью.

Это общество платит также и за миф о конце экономических кризисов. Пока «информация» должна была стать первым фактором производства, увеличиваясь с каждым кликом, идея о падающих прибылях становилась такой же старомодной как и Маркс.

Политически, оно платит за веру в экономическое изнашивание государства, от которого потребовали отказаться от его регулирующей роли. Сверхприватизация и наступление на реальную зарплату разделили общество и политику. Хозяева мира, избранные демократически, вынуждены встречаться в бункерах, чтобы укрыться от неизбранных, но достаточно больших толп своих собственных народов. Основы централизованной власти и парламентарной демократии игнорируются уже двадцать лет: либеральной правой отрицающей экономическую функцию государства; левой, отказывающейся от того, что

отличает её от правой, таким образом отнимая у политики тот малый смысл, который в ней ещё был. Этот кризис законного представительства взорвался на улицах Гётеборга и Генуи.

Наконец, сведение человеческого существа к производителю и потребителю закончилось отсутствием перспектив, планов и грёз. Культура супермаркета является плодоносной почвой для реакционной политики или религиозного фундаментализма. Молодых мусульманских экстремистов говорящих «Долой музыку!» было бы меньше если бы они слушали больше Ума Хальсума или Монтеверди, чем поп-музыку в аэропортах.

Все эти аспекты обладают одной общей вещью: движением в сторону капитала, который был бы настолько автоматизированным и независимым от человеческой деятельности, насколько это возможно. Здесь мы натываемся на тот предел, который «Invariance» слишком поспешно назвал «антропоморфозом капитала»: капитал может заходить далеко, но он не превратится в плоть. Несмотря на взгляды Дебора в его последних сочинениях, зрелище не поддерживает само себя. Капиталистическая цивилизация остаётся отношениями между трудом и стоимостью, а труд подразумевает человеческие и социальные существа.

Капитал — это автономная стоимость постольку, поскольку она заставляет работать живых людей. Часто он мечтает избавиться от них, например через роботизацию. ЦРУ и ФБР не удалось предотвратить 11 сентября частично от того, что они переоценили электронные средства наблюдения: полиция и шпионы разделяют заблуждения своих современников. Точно так же, излишне автоматизированный контроль за пассажирами и багажом отражает предпочтение отдаваемое технологии перед сокращённым и плохо оплачиваемым персоналом. Техника безжизненна без тех, кто активизирует её. Нет стоимости без труда, нет войны без солдат (и жертв), нет социального контроля без живых ментов.

Падение Двух Башен ознаменовало собой окончательное падение модернизма и (что бы это не значило) пост-модернизма.

Капиталу нужен пролетариат, а также и его активное участие, которого он не получит если просто заставит их потреблять больше. В автомобиле есть нечто большее, чем просто автомобиль. Система не может смести под ковёр тех пролетариев, которые ей не нужны. В самых развитых странах, максимальное обращение подразумевает минимальную интеграцию. Логика капитала не в том, чтобы дать каждому работу, но в том, чтобы дать людям разумную надежду когда-нибудь приобрести её.

Развал госкапиталистического блока означал реальную победу для западных и японского правящих классов, но привёл их к чрезмерной самоуверенности. Капиталисты решили не бояться внешних и внутренних врагов и думают, что их система должна существовать только для того, чтобы самоутвердиться. Во-общем, США, Европа и Япония показали, что не могут стабилизировать регионы,

освободившиеся с концом бюрократических режимов.

«Реконкиста» не может быть только материальной или стратегической: в общем и целом, ни одна система не может опираться на чистое принуждение. Полное восстановление должно будет быть политическим и социальным, но ничего существенного здесь не происходит и нынешний военный контекст не кажется идеальным временем для неё.

Сентябрьская атака безжалостно срывает маску с типичной черты последних двадцати лет: нехватки крупных исторических планов, дефицита идеалов. Мятёжная молодёжь и рабочие 70-х настолько мало представляли себе социальные перемены, которых они добивались, что в конце концов им пришлось принять их в форме постоянного технологического движения. (Чат на твоём экране — это бедный, но всё же адекватный ответ на риторику о «свободном общении» в 60-х). Так это сработало. Но недостаточно привести новую социальную систему производства к полной зрелости.

В менее развитых регионах, ни один лидер или партия не способен начать примитивное накопление. В прошлом, когда маоистская бюрократия заставила миллионы китайцев доказать превосходство социализма в поисках счастья, она сделала это не только под дулами винтовок: перспектива лучших времён оправдывала насилие и тяготы. Схожих общественных проектов больше нет на повестке дня. В лице Талибана, впервые в истории, империализм борется против плохишей из Третьего мира, весьма правильно отвернувшихся от наёмного труда. Талибан обещал (и частично выполнил обещание) безопасность для путников, пустив свободный поток товаров через страну, как во времена караванной торговли. Это больше торговый, чем промышленный капитал. Здесь нет места для роста самого для себя. Текущий бум в Китае привлекает в свою орбиту от 10 до 20% населения и отталкивает остальных. Либо африканские и азиатские лидеры будут делать как говорит МВФ и мультинациональные компании, либо им придётся управлять своими странами на уровне выживания, либо они будут грабить собственный народ. Бин Ладену легко выдавать себя за Робин Гуда, защитника бедных против коррумпированных.

В то же время, в богатых странах, низшие классы обходят капитал выживая посредством теневой экономики.

Сам исламизм уже переживает отлив своего исторического проекта. Его целью было сделать ислам социальной сетью жизнеспособного развития, что подразумевает участие (но не доминирование) мирового рынка, иначе будущее страны не будет отличаться от Антигуа или Вануату. Однако, выходит, что наложение шариата в качестве морального стандарта это одно, а реорганизация экономики и всего общества на его основе совсем другое. Полиция нравов вредит торговле. Аятолла мог зарабатывать деньги, продавая персидскую нефть, но он терял деньги объявляя войну против Рушди. Марксистско-ленинистская догма совпадала с культом производства: Бога нет. В исламской стране, наёмный труд существует и распространяется не благодаря Корану,

но вне его. Религия устарела в качестве экономической модели. Иран теперь отходит от неё, а Пакистан и ОАЭ никогда не пробовали наложить её. Саудовская Аравия живёт с нефти, сильно заботится о том, чтобы не применять к ней шариат, и управляет им как истинно профанный капиталист.

Что же касается сердца капитала, сентябрьская атака произошла вовремя, когда деловой цикл уже выдыхался. Экономисты спорят уже не о реальности спада, а лишь о его величине и продолжительности.

Боссы и политические лидеры полагаются на потребление, которому мешает понижение зарплаты и переизбыток на рынках, даже в тех секторах, что активно рекламировались в качестве ведущих в новую эпоху, таких как мобильные телефоны. Но для уязвимого капитализма весьма типично, что он рассматривает своё процветание, как обусловленное таким непостоянным фактором как уверенность потребителя. Современная демократия определяет своего гражданина неравной и гарантированной долей в потреблении: поэтому она требует от него не пролития крови на поле боя, а денег на прилавке. А если он не хочет или не может? Помимо прочих проблем, кредит (часто финансируемый биржевыми рисками) является часовой бомбой.

Не будем вдаваться в детали спада. Упомянем лишь повторение кризисов (каждые два или три года, мировая система спотыкается или в группе стран, или в целом регионе); упадок производственных показателей в США в течение периода 11 месяцев, неслыханном с 1960-го; нисходящие тенденции от кризиса в секторе высоких технологий до массивных увольнений в финансах и промышленности; уменьшающиеся инвестиции, подъём безработицы; потребность в крупных федеральных субсидиях; пагубное взаимовлияние между США и Европой; новую одержимость опасностями долговой экономики; не забывая о «новых» странах откатывающихся назад, или о других, находящихся подобно Аргентине на грани банкротства.

Все эти показатели указывают на упрямую саморазрушительную логику системы, определявшей планету в течение 200 лет: эта логика ухудшалась, а не смягчалась в последние два десятилетия. «Глобализация» ускоряет ход кризисов. Господство одной сверхдержавы обладает теми же контрпродуктивными эффектами, что и мега-слияния между фирмами: слишком много монополии душит здоровую конкуренцию.

Местная победа, глобальная неуравновешенность

Стокхаузен вызвал переполох, когда он описал падение ВТЦ как «величайший из возможных шедевров искусства». Хотя современный артист позже добавил, что его недопоняли, его первоначальная реакция подчеркнула о чём реально шла речь. Реальность Манхэттена более, чем материальна, и те, кто занимается там бизнесом играют более, чем экономическую роль.

Уолл-стрит, будучи насосом, качающим стоимость и перераспределяющим жизненный поток, обычно воспринимается всеми богатыми странами как наше сердце и является объектом поклонения и проклятий заодно. Эффект от атаки происходит не из тяжких последствий, но из того места в котором погибли жертвы: бойня 5 500 жителей Сисайда, Орегон, не имела бы того значения, которым обладало уничтожение основного органа в городе, который считается новым Вавилоном.

«Ибо за час большие богатства будут уничтожены. И вскричат они когда увидят дым его пожара, и скажут, Есть ли город подобный этому великому городу!» (Иоанн, Откровение, 18, 17-18)

Может ли контратака США напасть на столь же высокий символ?

В старые дни, империя, боявшаяся тех, кого она звала варварами билась с ними, но также обращала их храмы в пыль. Уничтожение одного из самых представительных видов Манхэттена означает унижение американской гегемонии во имя исламских ценностей. Адекватный ответ должен бы ударить по таким же ценностям с такой же яркостью и точностью. И всё же трудно представить себе Томагавки направленные на Мекку или святой мавзолей меньшего ранга.⁵

Многие конкуренты, от Пекина до Лондона, притворяются, что объединяют свои силы для атаки на такую малую цель как бин Ладен и его партнёры, потому что они боятся за свою внутреннюю стабильность. Какую бы поддержку он не получал и не получает от секретных служб, бин Ладен (и любая группа, ведущая схожую частную войну) нарушает ослабевший мировой порядок.

Поэтому США не наступают: им нужно сохранить клиентские режимы вокруг Афганистана и на Ближнем Востоке. Чрезмерная реакция могла бы увеличить негативный потенциал, накопленный «Угнетёнными Земли».⁶

Капитал на срочные вопросы даёт такие ответы, которые оттягивают наилучшее решение. В особенности, хотя Саудовская Аравия, ОАЭ и Пакистан являются известными центрами радикального ислама, Пентагон сделает всё, чтобы не нарушить их внутреннюю стабильность. Он попытается не противостоять исламским союзникам, вместо этого он будет наслаивать руины на руины в Афганистане, или где-нибудь ещё, в Ираке . . .

Иными словами, беспрецедентный политический вызов (даже если он наце-

⁵ Более значительная победа США не унизила бы ислам, но придала бы ему стоимость в типично американской манере. Она превратила бы мулл в телеевангелистов, интегрировала бы идолопоклонничество в торговую практику и, с полным уважением к присущей Корану абстрактности, продавали бы не фетиши, как это до сих пор делают католики в Ассизи, но искреннюю нематериальную духовность. Никаких картинок, статуй, просто бесплотные и чистые пиксели, душу без тела, наконец, и ислам в качестве истинной виртуальной религии компьютерного века. Увы, Мекка — это не Калифорния.

⁶ Название знаменитой книги о Третьем Мире опубликованной Францем Фаноном в 1961-м с сильными религиозными обертонами.

лен на символ) будет встречен лишь полицейской операцией по повышению правопорядка. Крупные державы сталкиваясь с тем, что по их словам представляет самую сильную для них угрозу (что является правдой из-за её причин), дают ответ, не касающийся этих причин и кажется не верят в то, что они делают. После 1918-го, победители действовали так, словно Версальский Договор и Лига Наций открывали период долгого мира. В 1945-м, Союзники всё повторяли, что избавились от диктаторов и геноцида. Дезорганизация колониальных империй также дала рождение большим надеждам на вхождение в эпоху взаимоуважения между всеми странами, развития и социальной справедливости. У людей тогда были убеждения. Сегодня, государства считают терроризм преступлением: но никто никогда не притворялся, что уничтожение одного преступника (даже самого злодейского) положит конец преступности. Возможно, впервые в истории правители признают, что имеют дело не с существом вопроса.

Эскалация маловероятна, но всегда возможна: с какой силой кузнечный молот попытается убить назойливую муху и какие кровавые ошметки он разбрасывает вокруг себя? В любом случае, в апокалиптической войне образов нового тысячелетия, у Буша есть недостаток перед его чёрным двойником.⁷ Никакие спецслужбы или SAS не смогли предотвратить падение двух монолитов. Даже если бин Ладена поймут, убьют или привлекут к суду, память о нём переживёт его могущественного победителя.

Или капитал (воплощённый и руководимый Номером Один) переборщит и вызовет больше беспорядков, чем он должен был подавить. Или он отреагирует слабо. С одной стороны, «отвоевание» может усилить то, что породило атаку. С другой, сведение политики к минимальной полицейской операции открывает дверь новым нападениям.

Mutatis mutandis, в 1930-х, демократии пытались умиротворить нацистский экспансионизм, на деле оттягивая час расплаты.

Значит, третья мировая? Не сегодня — послезавтра

Капитал может пережить шок и его последствия, но вряд ли это разрешит изложенные нами долгосрочные проблемы. Скорее всего он пойдёт по дорожке, которая только ухудшит его положение.

С нашей точки зрения, чем больше времени займёт капиталистический ответ, тем больше придётся дожидаться коммунистической перспективы. Без динамичного капитала нет динамичного пролетариата, то есть, без капитала,

⁷ О Буше и бин Ладене как о близнецах, см. А.Рой, Алгебра социальной справедливости, в *The Guardian*.

провоцирующего (возможное) отрицание предлагаемых им богатств, а не только навязываемой им нищеты. Радикальная критика может зародиться, но не может утвердиться и самоорганизоваться.

Время коммунистического возрождения или крупных интер-империалистических конфликтов ещё не пришло. Европа вступила в войну в 1914-м не из-за убийства австрийского принца, но из-за неспособности промышленной цивилизации к мирной экспансии. США боится и будет бояться европейских, может быть японских, китайских конкурентов, но не исламских радикалов. Пролетаризация без настоящего противовеса наёмного труда: вот в чём лежит источник общественных потрясений, серьёзных, но недостаточных для крупного конфликта больших держав.

Историческое значение контратаки США заключается не в слишком явной способности поставить на уши Афганистан или любую другую бедную страну. Она заключается в приливах и отливах, испытываемых через нынешние конвульсии крупных капиталистических держав, настоящих и будущих. Как говорилось в отчёте Пентагона 1992-го, главной целью американской стратегии является «предотвращение появления какого бы то ни было потенциального глобального конкурента».⁸

Европа и Россия не дожидаясь слишком долго, сыграли свою роль в фальшивой анти-террористической коалиции, которая повлечёт за собой всевозможные непредсказуемые воссоединения и распады альянсов.⁹ Империалистическое соперничество ведёт за собой мир, и в отсутствие революции приведёт к крупным конфликтам, которые спровоцируют, не будучи их настоящей причиной, мелкие периферийные конфликты. До тех пор, «война с терроризмом» будет сводиться к пиар-работе, ценой нескольких миллиардов долларов, усилению полицейских сил и горам трупов.

Бин Ладен — это внутреннее противоречие в капитализме, а не противоречие ему. Едва ли мы можем говорить об «архаичном» движении, поскольку прошлое выходит на поверхность только под давлением веса современности. Традиция уступает там, где возможно широкомасштабное введение товара и наёмного труда.

Исламизм предлагает возврат к прошлому не более осуществимый, чем альтернатива СССР западному капитализму. Легко было понять почему восточный блок принадлежал к тому же миру, что и Испания и Бельгия, поскольку наёмный труд и культ производства были легко заметны в бюрократических режимах. Эта интеграция менее заметна в случае с радикальным исламом, потому что здесь говорит иная идеология. Но капитал никогда не будет распространять однообразный прогресс, или прогресс, который будет в конце

⁸ См. Foreign Affairs, Лето 2001.

⁹ Те, чья критика этого мира сводится к анти-американизму вовсе не критикуют этот мир. Отождествление капитализма с США равнозначно поддержке одного лагеря против других.

концов осуществлён одинаково во всём мире.

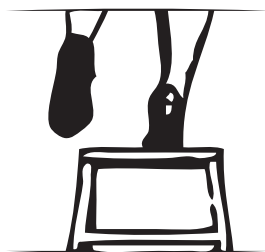
Безработный бенгалец или ирландец, занятый в центре телефонного обслуживания испытывают нужду и господство, в общем схожие, хотя они никогда не думают о том общем, что есть между ними. Атака 11 сентября 2001 г., и последующая контратака отчуждают этих двух пролетариев друг от друга ещё больше.

Капитализм и варварство: вот наше ближайшее будущее.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жиль Дове, Карл Несич, Жан-Пьер Карассо

Серый сентябрь

22 октября 2001 г.

Комбинированный перевод с английского и французского — Э.Т.

Сохранено 3 октября 2011г. из **revsoc.org**